

УДК 82-17-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-233-242

О ЗНАЧЕНИИ И РОЛИ «ПОЭЗИИ» В ЛИРИКЕ РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА*

Иваницкий А.И.*Российский государственный гуманитарный университет
125993, Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация. В русской поэзии второй половины XVIII века сентиментализм отразил стремления дворянского интеллигента к духовному освобождению от гегемонии абсолютистского государства. Осваивая «общие места» необходимых для этого новых лирических жанров, поэты зачастую наделяли ключевой для сентиментализма мотив бегства от цивилизации к природе противоположными значениями. Духовный эпикуреец противостоял аскетическому отшельнику. Преодолевая противоречия собственного дискурса с помощью концепта «поэзии», сентиментализм последовательно отказывался сначала от своих ключевых оппозиций (чувства – разуму и природы – культуре), а затем и от сюзеренитета в отношении самой поэзии – ставя её над собою.

Ключевые слова: сентиментализм, чувство, поэзия, природа, разум, цивилизация.

SIGNIFICANCE AND ROLE OF 'POETRY' IN RUSSIAN SENTIMENTALISM

A. Ivanitskiy*Russian State University for the Humanities
6, Miusskaya Sq., Moscow, Russian Federation, 125993*

Abstract. In Russian poetry of 2nd half of 19th century, sentimentalism had reflected the aspirations of the nobility's intellectuals to the spiritual liberation from the absolutist monarchy. Having developed the key sentimental motive of the escape from the Civilization to the Nature in the new lyrical genres, the poets gave these escape two contradictory meanings: the spiritual Epicureanism and the askesis of the anchorite. Overcoming this contradiction with the help of the concept "Poetry", the sentimentalism, firstly, had refused of its key oppositions ("feeling – mind" and "civilization – nature") and then of its own patronage of the poetry, having placed it above itself.

Keywords: Sentimentalism, feeling, poetry, nature, mind, civilization.

Значимость концепта «поэзии» в русском сентиментализме обусловлена тем, что последний явился не только литературной, но социо-культурной альтернативой классицизму, отражая стремления дворянского интеллигента к духовному освобождению от гегемонии абсолютистского государства.

* Работа выполнена по программе гранта РГНФ № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь».

© Иваницкий А.И., 2016.

Оно и воплотилось в противопоставлении «чувства» рационально-классицистическому «разуму». Этой ключевой для сентиментализма оппозиции довзела вторая, воспринятая сентиментализмом у Горация в «редакции» Ж.-Ж. Руссо: Цивилизации – Природе, явившейся основным полем, источником и измерением «чувственного» высвобождения человека¹.

Первая дихотомия наиболее отчетливо звучит у М. Хераскова, который разводит «плодотворное» чувство и «бесплодный» разум во времени, делая их атрибутами, соответственно, юности и старости:

*...Вы, угрюмы философы... / <...>
Ты, о старость хладнокровна!*

Не ропщи против любви; / Не её ты покидаешь, / Но оставлена ты ею... [12, с. 82–83].

Вторая («цивилизация – природа») систематически утверждается Н.М. Карамзиным, призывающим «...Оставить мир холодный, / Который враг чувствительным душам [5, с. 207], чтобы «...в сельском крове мирном / Питать в груди своей чувствительность...» [5, с. 172]. Карамзин отразил и связь оппозиций «чувство – разум» и «природа – цивилизация», обусловленную тем, что именно Природа выступает фундаментальным объектом и источником чувства, «...Хотя... не все народы / К дарам счастливейшим Природы / Равно чувствительны душой...» [5, с. 226].

Ключевой формой сентименталистского «чувствования» Природы

¹ Наиболее объёмный и предметный анализ русского сентиментализма как поэтической системы см. в работе Н.Д. Кочетковой [6]. О специфике и основных тенденциях сентиментализма в лирике и в ранней прозе Карамзина см.: 7, с. 5–52, 1, с. 99–106.

сентименталистами и становится Поэзия. Лирический герой И. Дмитриева «...думал, что везде — в Аркадии поэт...», но в свете открыл «...к дарованиям холодность иль презренье...» [2, с. 341]. Единственные локус и измерение Поэзии – Природа, где она заново открывает своим избранныкам рай вечной весны «золотого века»: «...Любимцам, Муза, ты Елизий сотворяешь / И щедро сыплешь вокруг сокровища весны!...» [9, с. 236]. Ср. у Карамзина: «...Лишь струны вдруг её златые забряцают — / Яснеют небеса, / И воздух сладостны дыханья пронизают...» [5, с. 155–156]. Поэт – «...слабый ученик любовника Глицеры... / в мягких ута[ится] убежищах пещеры...» [5, с. 156]. С уходом же поэзии весна сменяется осенью: «...когда нахмуришь бровь, / Во основаниях колеблется природа...» [9, с. 238].

Между тем, поэты «сентименталистского» периода (М.Н. Муравьёв, В.В. Капнист, Н.А. Львов, И.И. Дмитриев, Н.М. Карамзин и др.), как и отчасти их старшие предшественники (А.П. Сумароков, М.М. Херасков, И.И. Хемницер), осваивали новые лирические жанры идиллии, эклоги, элегии и их общие места, создавая для них соответствующий поэтический язык, а не стремясь к выработке принципиально новых смыслов. В результате они, зачастую безотчётно, развивали прямо противоположные синтагматические цепочки смыслов сентименталистского бегства от «света», его «страстей» и «суета».

Однако сентименталистское отрицание социума, его «страстей» и «суета», не предполагает отказа от жизненных наслаждений в принципе. Его главным локусом и измерением стано-

вится Природа, которая теперь предстаёт осколком ушедшего «...златого века... [когда] / ...Роз зефиры бодро ищут, / Соловьи, не дремля, свищут...» [11, с. 106-107].

Противоставшая цивилизации Природа, которая не утоляет страсти, а успокаивает их: «В спокойствии природы / ... утихли страсти, / Движение людей...» [9, с. 243], становится единственным альтернативным городу источник наслаждения – как телесного: «...Прохлада, что из недр пространная земли / Восходит вверх... / ...Касается до жил и освежает кровь!..», так и поэтического: «...Здесь буду странствовать в кустарниках цветущих / И слушать соловьёв, в полночный час поющих...» [9, с. 159-160].

Но, слушая соловья – голос поэтического самосознания Природы, – человек рефлексировать в ней собственный душевный опыт:

...Но почто ж... / Чувства ноют и томятся / От гармонии твоей?

Ах! я вспомнил незабвенных, /... Их могилы заросли / Все высокою травою... [5, с. 121].

«Сочувствие» природе становится не просто полем размышления:

...В спокойствии природы / ...Душа одной лишь власти

Покорствуется своей! / ...в сии явления / Со мной перенесись,

...Размышленья / Мгновеньем насладишь [9, с. 243],

но и катарсисом утрат:

«...Кто ж милых не терял? Оставь холодный свет

И горечь разделяй с унылыми древами,

С кристаллом томных вод и с нежными цветами...» [5, с. 92].

В программной элегии Карамзина «Меланхолия» (1802) переживание утрат в осенней («переходной») природе, «...когда, изнемогая... / Она кончины ждёт...», делает внушенную поэзией печаль («меланхолию», как рефлексию своей жизни во времени) самостоятельным источником наслаждения: «...Веселие твоё – задумавшись, молчать / И на прошедшее взор нежный обращать» [5, с. 261]. Ср. у Дмитриева: «...Филомелу вспомню я / С нею вместе унываю / И доволен, что грущу!..» [2, с. 124]¹.

Альтернативным такому «поэтико-эпикурейскому» бегству в мир природы становится бегство «отшельническое». Его основанием объявляется ненадёжность цивилизации – «пышного града», где «...скользкий счастья путь, где ров цветами скрыт...» [9, с. 159-160].

Это рождает в людях постоянный страх за уже добытое: «...Сребро и пышные чертоги / Спокойства сердцу не дают...» [12, с. 91]. Отсюда единственным подлинным благом в мире оказывается покой: «...Фортуна любит шум, а Счастье покой...» [8, с. 75], которого «...нельзя купить / За груды злата накоплены...» [4, с. 149]. Покой же приносит нищета: «...Убогая семья стократ / Счастливей жизнь свою проводит...» [4, с. 149], поскольку «...Убогий грусти не имеет, / Коль нечего ему терять...» [12, с. 91].

¹ Сладостно переживая минувшее и связанные с ним утраты в «переходной» (осенней) Природе, герой Карамзина в элегии «Кладбище» воссоединяется с этим прошедшим собственным необратимым переходом в Природу, где «...струится в воздухе светлом / Пар благовонный синих фиалок, / Белых ясинов, лилей...» [5, с. 114]. И совершается такой «переход» именно в поэзии: «...Пойду я с лирой в те места, / Где сном дарит природа вечным, / Где спит и скорбь, и суета...» [2, с. 345].

Главной душевной добродетелью обитателя природной идиллии становится самоограничение: «...Разумный человек / Умеренностью препровождает век...» [11, с. 104]; «...Затем в тебе твой ум устроен, / Чтобы повелевать собой...» [9, с. 122], а герой Дмитриева «В желаньях строг...» [2, с. 364].

В то же время столица и вообще социум оказываются виновны уже не в чрезмерности, а в самом наличии наслаждений: «...Я ...в Москве обитаю, / В жилище сует...» [2, с. 117]. Поэтому герой бежит из города уже не от своих страстей, а от всеобщих. Вдали от мира «...не взираешь / На порченые нравы...» [12, с. 79], и можно «...Гнушаться издали пороком...» [5, с. 138].

Уход из городов превращается в отшельничество: «...Сокроюсь в лесах я темных / Или во пропастях подземных... / Я светской наглости терпеть не могу...» [11, с. 92]. Для Дмитриева образцом становится Нестор, который, «Постигнув с юных лет тщету и скоротечность, / Сей инок житие пустынное избрал...» и жил, «...кроясь от живых...» [2, с. 336].

Умеренность сменяется воздержанием: «...всех благополучней, / Кто страсти и желанья / ...Преодолеть умеет...» [12, с. 76]; «Не тот богат, / Кто .../...больше накапливает, / Но тот, кто больше не желает...» [4, с. 287]; «Хотите ль ваш покой, о юноши, спасти? – / От искушения старайтесь уйти» [9, с. 193].

Воздержание переходит в культ нищеты [«ничтожества»]: «...Ничтожество!.. / Ты друг чувствительным сердцам, / Всегда надеждой обольщенным, / Всегда тоскою изнуренным! [5, с. 202], а также аскезы: «...Я же низменной стезёю / От мирских сует уйду...»

[4, с. 120]. Единственно добродетельная аскеза отрицает любовь, которая «...Только в сердце, богу верном, / Только в мыслях просвещенных / ...не смеет воцариться...» [12, с. 83], а в удалении от городов «...Не видно бесполезной / ...роскоши любви...» [12, с. 79]¹.

Теперь поэзия воспевает именно самоограничение героя: «... мне фортуна и природа / Послали в дар клочок земли; / Таланта искру к песнопенью...» [2, с. 365]. В конечном же счёте поэзия сама становится жертвой редукции:

...я... прошу от неба, / ...чтобы в бедности моей

Хранило мне здоровье цело... / И век пресекло б престарелый,

Бесчувственный ко звуку лир [4, с. 156-157].

В лирике Карамзина эта цепочка смыслов превращает сентиментального поэта из энтузиаста в скептика, врага любого чувства [«чувствительности»]: «...Пусть сердце превратится в камень! / Его чувствительность мне яд...» [«Долина Иосафатова, или Долина спокойствия», 1796; 5, с. 212], рождая в нём неверие сначала в земной мир, а затем и в загробный. Это парадоксальным образом делает рокайльную поэзию мечты и иллюзии единственным утешением скептика:

...существование бедна < ...> / <...> Надежда – золото для нас,

Призрак любезнейший для глаз, / В котором счастье лобызаем...,

в то время как поэт «... есть хитрый чародей... / Творит красавиц из цветка...» [5; с. 193, 194]².

Поскольку обе смысловые «цепочки» разрабатывались одними и теми же поэтами, то по мере расхождения

¹ Здесь и далее курсив мой. – А. И.

² См. подробнее: 3, с. 114-116.

этих смысловых цепочек оно всё больше осознавалось поэтами как внутренне противоречие. Преодоление этого противоречия, как мы увидим, шло практически параллельно его нарастанию.

Следует иметь в виду, что, оппонировав классицизму, сентименталисты во все не отвергали лежащие в его основе эстетико-философские идеалы античности. Они либо фиксировали смещение исторической ситуации с точки зрения этого идеала. Это либо его несущественность:

...я вижу ясно, что с Платоном / Республик нам не учредить,

С Питтаком, Фалесом, Зеноном / Сердце жестоких не смягчить... [5, с. 137], – либо переосмыслили его ценностную иерархию (отсюда – апология Горация).

Именно поэзия выступала своеобразной родовой «пуповиной» связи сентиментализма с идеалом золотого века в его античном изводе. В подражании Н. Карамзина посвящению Ф.А. Грувеля «К Амуру» (1790) тот прямо привязывается к «золотому веку», ныне утраченному, но подлежащему поиску и воскрешению: «...Он был в Астреин век. Уже мы не находим / Его нигде. Но жизнь в искании проводим» [5, с. 96]¹.

Естественно поэтому, что именно «Поэзия» стала главным орудием преодоления противоречий сентименталистского дискурса. Хронологически первой попыткой такого преодоле-

¹ Ср. вариант И. Дмитриева:

...Дитя, но всех сердца он брал в своё подданство,—

Таков был, говорят, сын Лады в век златой!

Где ж ныне он? Увы! нам это неизвестно;

Мы только чтим его и ищем повсеместно [2, с. 334].

ния видится «Письмо к ***» (1783) М.Н. Муравьёва и ряд мотивно призывающих к нему стихов. Вслед за Херасковым Муравьёв видит превращение энтузиаста в скептика сменой возрастов. «Золотой век» вечной весны в земном раю, воспеваемый поэзией, – это **юность**, когда душа «...для красоты, для чувства дыша, / Жила природы в лоне / И в хижине своей быть чаяла на троне...». В юности поэзии непреложно сопутствует любовь: «...Весна вливает в чувства сладость, / И увлекает Аполлон...» [9, с. 151]. Уходящие со зрелостью поэтические «...мечтания, чувствительности глас...» сменяются «эгоизмом»: «...Когда действительность сердечну дал ты стерти... / ...И подлый эгоизм, тобою овладев, / Все чувства любви во свой поглотит зев...», то есть отделением от мира: «...Ты будешь зреть ещё, но всё, что зришь, мертво, / И всюду грубое ты встретишь вещество...».

Отторгнутыми неизбежно оказываются и дружба, и любовь:

...Без восхищения ты узришь лучша друга,

И нежных дней твоих прекрасная подруга

Простой девицею предстанет пред тобой...» [9, с. 216-217].

В старости энтузиаста сменяет скептик: «**Питт скрывается: печальный философ / Бессилен врачевать, зря собственны недуги**» [9, с. 229].

Если юноша «...для красоты, для чувства дыша, / Жил <...> природы в лоне...», то в зрелости он теряет поэзию как ключ фантазии и форму любви. Его

...Отяжелевшая и грубая душа

Едва сквозь облако вспомянет дни минувши,

...С ней музы не поют, / Не собеседуют с ней тайно, как подруги,

И восхитительных не открывают снов... [9, с. 229].

Отсюда призыв к юноше возможно дольше оставаться юным, а значит, поэтом:

...Счастливый юноша! прекрасной музы друг!..

Будь доле в обществе небесных сих подруг...

...Не разгоняй сей рой сияющий и звучный...

Которых общества желал бы философ / В своей пустыне скучной... [9, с. 228].

Этот призыв Муравьев адресует и себе: «...Пусть буду с вами [музами] я и буду заблуждать, / Чем медленно идти и хладно рассуждать...» [9, с. 145].

В этом Муравьев опять-таки развивает мотивы Хераскова, героя которого муза также покидает вместе с юностью: «...О моя любезна Муза... / ...Как покроюсь сединою... / Ни свирелью, ни трубою / Действовать уже не стану...» [12, с. 88-89]. Тем самым как будто бы утверждается ключевое для сентиментализма противостояние «чувства» и «разума». Однако поэзию «эпикурейского» сочувствия природе Муравьев прямо возводит к разумно-классицистическому идеалу полноты и гармонии:

...Во юности моей сколь было мне удобно

Стихосложения красами мысль об-лечь...

Природу в целом зреть и зреть её подробно...

Во всё вступалася чувствительность моя... [9, с. 204].

Следует иметь в виду, что русская поэзия «чувствительности» и «сочувствия» совпала с периодом не упад-

ка просвещённого абсолютизма (как было в современной ей Франции), а его рассвета. Екатерининское освобождение дворянства не ослабило «национально-государственный» энтузиазм дворянства, а вывело его на новый уровень, сделав предметом свободного личного выбора и самоопределения. Поэтому-то эстетической и познавательной полноте юношеской поэзии у Муравьева довлеет этическая: муравьевский юноша – «...**Питомец грации моральной...**» [9, с. 228].

Отсюда поэзия взрослеет вместе с героем: «Я льстился, что со мной и дух ваш возрастёт...» [9, с. 145]. Ср. надежду Хераскова на то, что: «...*моя нестройна лира / С веком дней моих созреет...*» [12, с. 88].

Муза, таким образом, не бежит от крепнущего разума, а сопутствует ему:

...Кому ты в юности спутницей была,

Того [не оставишь] и в охлажденны леты,

Когда суровый ум даёт свои совет-ты... [9, с. 236].

Такая «разумно-зрелая» муза возвращается вместе с «чувствительностью», которая заново связывает человека как с природой: «...*Приди, чувствительность! и воскреси несчастна ...Пусть бедный отдохнёт, ещё узнав природу...*», но через неё – с людьми: «**И плачет с радости, причтён ко смертных роду...**».

Именно на основе «чувствительности» герой возвращается к нормативной [«общественной»] добродетели классицизма:

...Расскажет чадам он минувший свой недуг,

Своё отторженье, чувствительности трату... [9, с. 217].

Таким образом, в лице Муравьёва русский сентиментализм осознаёт тупиковый характер своего «отшельнического», по сути, *стоического* бегства в природу. Однако, заново обретая поэзию (лежавшую в основе бегства «эпикурейского»), он делает её «сентименталистскую» роль сочувствия природе орудием возвращения классицистического идеала разума, полноты и гармонии. Это снимает оппозицию «чувства» как с «разумом», так и с обществом («смертных родом») и тем самым мотив самого *бегства*. Сентиментализм (как поэтическое сочувствие природе и людям) фактически мыслится новым стержнем классицистического мира.

Такое переосмысление поведенческой модели сентиментализма и роли поэзии в ней развивается в трёх посвящённых ей стихотворных трактатах Карамзина и ряде мотивно примыкающих к ним стихов. В «Поэзии» (1787) молодой Карамзин отчасти ещё в русле хвалебной оды классицизма видит поэта певцом гармонии Природы и государства, утверждаемой богоподобного монархом. Человек,

...Узрев собор красот и чувствуя себя, /...почувствовал и бога...,

а поэзия служит ему *средством* выражения восторга, обращённого к Богу – первоисточнику чувствуемой им природной гармонии:

...Причину бытия – толь живо ощутил...

Что сердце у него в гимн нежный излилось,

Стремясь лететь к отцу... [5, с. 58]

В развивающем эту позицию «Послании к женщинам» (1795) поэт «мил» своим адресатам тем, что

«... верно переводит / Всё тёмное в сердцах на ясный нам язык;

Слова для тонких чувств находит!»... [5, с. 170].

Но, будучи обращено в поэтическую форму, любовное чувство оказывается путём к обретению мысли. От своих адресатов поэт «С улыбкой, чувством оживлённой, / ...первых мыслей ждёт...» [5, с. 174].

Объединение любви и разума связью порождения позволяет поэту переносить пророчества с интимной сферы на социальную и тем самым ещё решительнее, чем Муравьёв, снимать сентименталистскую оппозицию Природы и общества / государства:

...Кто, чувством сердца вдохновенный,

Усердем к трону восхищенный, / Гремит народу: “Царь отец!”

...и в сердце проникает?.. / Питомец нежный муз – певец [5, с. 187].

Следующим этапом стал, возможно, самый программный стихотворный трактат Карамзина «Дарования» (1796), отразившие энтузиазм первых месяцев правления Павла I и воплотившиеся в попытку сентименталистского переосмысления самой цивилизации просвещённого абсолютизма. Теперь поэзия – уже не **орудие**, а **источник** обретения человеком сочувствия Природы и людям. Получив с помощью поэзии дар чувства / постижения Природы и Бога в Природе, человек увидел в другом отражение самого себя; сочувствие ближнему и ближним создало общество, а эстетическое сознание подвига во имя общества преобразовало последнее в государство. В «Песни мира» 1791 года (вольном переложении «Оды к Радости» Ф. Шиллера) Карамзин пока-

зывает, что «всесочувствие» в земной Аркадии совершается в строгом соответствии с эстетическим идеалом античности: «...*На берегах кристальных вод / Нимфы, фауны, сатиры / Составляют хоровод...*»¹.

Тем самым Карамзин, вслед за Муравьевым, с помощью концепта «поэзии» окончательно снимает обе ключевые оппозиции сентиментализма: чувство не отрицает, а предполагает разум: в свою очередь, сочувствие / постижение Природы преобразует её в цивилизацию.

Наконец, философская элегия «Протей, или Несогласия стихотворца...» (1798) знаменовала разочарование Карамзина как в павловских «исправлениях» материнского царствования, так и в просвещённом абсолютизме вообще. В результате поэзия из стержня сентименталистского («чувственного») постижения Природы и построения общества / государства на основе этого чувствования превращается в суверенную альтернативу Природе. Способность отражать все природные перемены, подобно глади пруда, где

...в сию минуту зрима / ... яркий Фебов свет, чистейший свод небес...

...Ещё минута... вдруг иное представленье:

Сокрыли облака в кристалле Фебов зрак...

делает поэта не просто подобным Природе в своей переменчивости, но представляет последнюю свободой поэтического выбора:

...В душе любимца муз такое ж измененье

Бывает каждый час; что видит, то поёт,

¹ [5, с. 107–108]; См. подробнее: [3, с. 112–114].

И, всем умея быть, всем быть перестает... [5, с. 242–243].

В свою очередь, собственные ключевые мотивы как «отшельнического», так и «универсально-государственного» сентиментализма полушутливо изображаются Карамзиным свободно меняющиеся предметы этого выбора. Так, проклятия собственной «чувствительности» в приведённой выше элегии «Долина Иосафатова, или Долина спокойствия» (1796) просто объясняются в «Протее...» изменой любимого предмета: «*О нежные сердца! сей юноша любил; / Но милый друг ему коварно изменил!*...» [5, с. 250].

Традиционная сентименталистская риторика рождается в поэте, «...*Когда в весенний день, среди лугов цветущих / Гуляя, видит он Природы красоты...*» – рождает в душе поэта «...мечты / О веке золотом...» – который он в го-рацианском духе всецело связывает с Природой: «...*Тогда он с Геснером свирелию своей / Из шума городов зовёт в поля людей...*».

В то же время пафос «Дарований» двухлетней давности автор «Протей...» объясняет тем, что поэта в данную минуту пленил «блеск искусства», который он связывает не с природой, а с цивилизацией «Лишь в общежитии... / ...художества... родились...». Именно тогда «...*певец села... / Забыв свирель, берёт для гимна своего / Златую лиру, петь успехи просвещения...*» и отвергает «золотой век» земной «Аркадии», ограниченный одной Природой, где человек «...*был с зверями равен...*»:

“...Для бедных разумом жизнь самая бедна:

Лишь в общежитии мы им обогатились...” [5, с. 243–244].

Таким образом, преодолевая противоречия собственного дискурса с помощью концепта «поэзии», сентиментализм последовательно отказывается от своих ключевых оппозиций (чувства – разуму и природы – культуре), а затем и от своего сюзеренитета в отношении самой поэзии – ставя её над собою¹.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатова Т.А. . Генезис и жанровая специфика отрывков в прозе Н.М.Карамзина (1789-1792) // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 1. С. 99-106.
2. Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. Второе издание. Л., 1967. 502 с.
3. Иваницкий А.И. Ещё раз о соотношении «сентиментального» и «классицистического» в поэзии Карамзина // Вестник Московского областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 109-118.
4. Капнист В.В. Избранные произведения. Библиотека поэта. Л., 1973. 616 с.
5. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. Л., 1966. 273 с.
6. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. Эстетические и художественные искания. СПб. 1994. 279 с.
7. Лотман Ю.М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. Л., 1966. С. 5-52.
8. Львов Н.А. Избранные произведения. Кёльн – Вена – Веймар – СПб. 1994. 422 с.
9. Муравьёв М.Н. Стихотворения. Библиотека поэта. Второе издание. Л., 1967. 385 с.
10. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Тт. 1-10, М.; Л., 1949.
11. Сумароков А.П. Избранные произведения. Библиотека поэта. Второе издание. Л., 1957. 608 с.
12. Херасков М.М. Избранные произведения. Библиотека поэта. Второе издание. М.; Л., 1961. 410 с.

REFERENCES

1. Alpatova T.A. Genesis and genre-specific passages in the prose of N.M.Karamzin (1789-1792) [Genesis and genre-specific passages in the prose of N. Karamzin (1789-1792)] // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki [Scientific notes of Kazan University. Series: Humanitarian Sciences]. 2016. Vol. 158. Book 1. pp. 99-106.
2. Dmitriev I.I. Polnoe sobranie stikhotvorenii. Biblioteka poeta [Complete collection of poems. The library of poet]. 2nd edition. L., 1967. 502 p.
3. Ivanitskii A.I. Eshche raz o sootnoshenii «sentimental'nogo» i «klassitsisticheskogo» v poezii Karamzina [Again on the relationship between "sentimental" and "classic" in the poetry of Karamzin] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2015. no. 4. pp. 109-118.

¹ В следующем веке этот заданный Карамзиным потенциал на новом уровне реализовал Пушкин. В стихах «Поэт идёт – открыты вежды...» вошедших в новеллу «Египетские ночи» (1835), герой Пушкина родствен и равен Природе в свободе выбора не только *позиции*, но *предмета*:

...Затем, что ветру и орлу / И сердцу девы нет закона.

Таков поэт: как Аквилон / Что хочет, то и носит он... [10, VI, с. 380].

Но анализ этой преемственности – тема уже другого исследования.

4. Kapnist V.V. Izbrannye proizvedeniya. Biblioteka poeta [Selected works. The library of poet]. L., 1973. 616 p.
5. Karamzin N.M. Polnoe sobranie stikhotvorenii. Biblioteka poeta [Complete collection of poems. The library of poet]. L., 1966. 273 p.
6. Kochetkova N.D. Literatura russkogo sentimentalizma. Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniya [The literature of Russian sentimentalism. Aesthetic and artistic quest]. SPb., 1994. 279 p.
7. Lotman YU.M. Poeziya Karamzina [The Poetry of Karamzin] // Karamzin N.M. Polnoe sobranie stikhotvorenii [N. Karamzin. Complete collection of poems]. L., 1966. pp. 5–52.
8. L'vov N.A. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Cologne – Vienna – Weimar – SPb., 1994. 422 p.
9. Murav'ev M.N. Stikhotvoreniya. Biblioteka poeta [Poems. The library of poet]. 2nd edition. L., 1967. 385 p.
10. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii. Tt. 1–10 [Complete works. Vols 1-10]. M.; L., 1949.
11. Sumarokov A.P. Izbrannye proizvedeniya. Biblioteka poeta [Selected works. The library of poet]. 2nd edition. L., 1957. 608 p.
12. Kheraskov M.M. Izbrannye proizvedeniya. Biblioteka poeta [Selected works. The library of poet]. 2nd edition. M.; L., 1961. 410 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Иваницкий Александр Ильич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных наук им. Е.М. Мелетинского Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: meisster@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr Ivanickij – doctor of Philological Sciences, Senior Researcher at Meletinskiy Institute of the Humanitarian Studies, Russian State University for the Humanities;
e-mail: meisster@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА:

Иваницкий А.И. О значении и роли «поэзии» в лирике русского романтизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. 2016. № 5. С. 233-242.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-233-242

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Ivanickij. Significance and role of “Poetry” in Russian Sentimentalism // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 233-242.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-233-242